

ЦЕРКОВЬ И ВЛАСТЬ В XX ВЕКЕ

В своем докладе я остановлюсь на проблемах отношений государственной власти и крупнейшей конфессии страны — Русской Православной Церковью — в XX веке, опираясь при этом на результаты собственных многолетних архивных исследований и опубликованные работы по данной теме.

Если говорить о периодизации этих отношений, то следует отметить, что она рассматривается в соответствии с политической периодизацией XX столетия и периодизацией общей государственной политики в отношении религии и Церкви. Я предлагаю периодизацию из шести крупных периодов, которые совпадают с переломными этапами в истории страны. И это естественно, так как церковная политика является частью внутренней политики.

Периоды:

1. 1917–1929
2. 1929–1943
3. 1943–1953
4. 1953–1958
5. 1958–1964
6. 1965–1991

1917–1929 гг. В этот период государство характеризуется как секулярное, при котором Церковь отделяется от него, лишается права юридического лица, ее собственность национализируется, школа отделяется от Церкви, и граждане получают право свободы совести. Как мы знаем, юридически это положение было оформлено Декретом от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». На позиции отделения еще до начала Октябрьских событий стояла значительная часть духовенства. Но при подготовке проекта Декрета и особенно в ходе его проведения в жизнь государственная власть не координировала свои действия с Русской Православной Церковью, отказываясь от всякого диалога с ней. В результате Церковь была лишена

гарантий правовой защищенности, и церковная жизнь стала отделяться от общественной жизни страны. Искажения на местах юридического понятия отделения Церкви от государства приводило к репрессивным акциям со стороны представителей власти. На проведении Декрета в жизнь сказались также условия гражданской войны и послевоенной разрухи. Но до 1922 г. у власти не было цельной программы борьбы с Церковью как духовным и политическим противником. Власть решала первостепенные задачи — окончания войны и борьбы с экономической разрухой. Но уже в 1920 г. Дзержинский в письме к Лацису отмечал, что без помощи ВЧК с попами справиться будет невозможно. И с 1922 г. борьба с Церковью будет идти по двум направлениям: видимому (силами атеистов и безбожников всех мастей) и невидимому (силами ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД—МГБ—КГБ).

Как известно, голод 1921 года явился поводом для развязывания кампании по изъятию церковных ценностей, имевшей четкие экономические и политические задачи. В ходе кампании В.И. Ленин в своем письме от 19 марта 1922 г. определил позицию государства по отношению к Церкви как «беспощадное сражение черносотенному духовенству». С началом кампании по изъятию ценностей Церковь должна была противостоять не только государственной власти, усилившей репрессивную политику, но и обновленческим группировкам духовенства, поддерживаемым и оплачиваемым той же властью, помогавшей им захватить церковное руководство и провести такие реформы, которые превратили бы Церковь в религиозное сообщество. В первый период власть неоднократно прибегала к попыткам раскола: кроме обновленческого раскола, это и поддержка григорианского ВВЦС, и попытка внести смущение в отношения между митрополитом Сергием (Страгородским) и митрополитом Агафангелом (Преображенским). Этот тяжелейший этап связан с именами предстоятелей Церкви — святейшего Патриарха Тихона, священномученика митрополита Петра (Полянского) и митрополита Сергия (Страгородского).

1929—1943 гг. Смысл большинства положений Декрета как законодательного акта перечеркнуло Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях», которым начался второй период. Все предписания Постановления были направлены на разобчение

верующих и церковной жизни, а также взятию под контроль власти любых религиозных действий. Содержание этого документа красноречиво характеризует отношение тоталитарного атеистического государства к религии и Церкви. При создавшемся режиме власти происходит дегуманизация общества. Православие с его духовно-нравственными ценностями объявляется извращенным миропониманием, а его носители — духовенство и верующие — классовыми врагами системы.

Статистические исследования пострадавших за веру архиереев, монашествующих, клириков и мирян начались не так давно. Основная заслуга по составлению бесценных мартирологов принадлежит Свято-Тихоновскому богословскому институту, работающему совместно с архивом ФСБ РФ. Приведу лишь некоторые цифры по оценке статистики гонений на Русскую Церковь в указанный период. 1929-1936: осужденных — 50000, из них казненных — 5000. 1937 и 1938 гг. были самыми страшными для духовенства и мирян: 200000 репрессированных и 100000 казненных. В 1939-1940-х годах казни продолжались (около 2 тысяч расстрелянных).

Начавшаяся Великая Отечественная война показала всю мощь духовного потенциала Русской Церкви. Важной формой духовного участия Церкви стали Послания Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия к архиереям и пастве, которые не только имели призывный и консолидирующий характер, но и преследовали разъяснительные цели. В них определялась твердая позиция Русской Православной Церкви по отношению к захватчикам и войне в целом, независимо от положения на фронте. Руководствуясь гражданскими чувствами, иерархи, священники и верующие не ограничивались только молебнами о даровании победы Красной Армии, а с первых дней войны участвовали в оказании материальной помощи фронту и тылу. Важнейшим материальным вкладом в фонд обороны стала построенная на средства Церкви танковая колонна имени Дмитрия Донского, в состав которой входили 40 танков Т-34. Общий материальный вклад в фонд Обороны составил 300 млн. рублей.

Но Русская Церковь не только помогала фронту морально и материально, многие священники солдатами и офицерами прошли дорогами войны, а некоторые из них участвовали в партизанском движении.

Оценив духовный потенциал Русской Православной Церкви в начальный период войны, государство изменило не только отношение к ней, но и перешло к применению новых методов воздействия на Церковь и ее использование в своих внутри- и внешнеполитических целях.

1943—1953 гг. Год 1943-й открывает третий период в государственно-церковных отношениях советской истории (названный мной в исследовании «новым» курсом). Он является той точкой отсчета, когда власть, окончательно отказавшись от планов уничтожения религии и Церкви, активно осуществлявшихся в предвоенные десятилетия, переходит к возрождению церковной жизни в стране под строгим государственным контролем.

Восстановление церковной жизни проходило стремительно: 4 сентября 1943 г. — встреча И. Сталина с митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским), Николаем (Ярушевичем) в Кремле.

8 сентября 1943 г. — начало работы Собора русских епископов (16 из 19 человек были доставлены из лагерей и ссылок). Состоялось избрание митрополита Сергия Патриархом Московским и всея Руси. 12 сентября в Богоявленском соборе прошла его интронизация.

14 сентября 1943 г. СНК СССР утвердил создание Совета по делам Русской Православной Церкви, возложив на него задачу осуществления связи между правительством и Московской Патриархией.

Сентябрь 1943 г. — возобновилось издание «Журнала Московской Патриархии».

28 ноября 1943 г. — Совнарком разрешил открытие в Москве богословского института и пастырских курсов (в 1946 г. они были преобразованы в духовную академию и семинарию).

Февраль 1944 г. — начинается передача храмов Церкви. На освобожденных от фашистов территориях продолжают действовать общины, которые были созданы в период оккупации.

Эти мероприятия власти по восстановлению религиозной жизни в стране были позитивно оценены церковным руководством. Укрепив Церковь, государство приступает к вовлечению ее во внешнеполитическую деятельность, используя традиционно непростые отношения между Русской Православ-

ной Церковью и Ватиканом, позиция которого к 1943 г. становится откровенно враждебной по отношению к СССР. Стремление Римско-Католической Церкви к влиянию на балканские страны привело к ответным мерам. Так, католической идее организации конфедерации придунайских стран противостоял советский государственный план по созданию системы восточно-европейского православного единства под эгидой Московской Патриархии, а противодействие Ватикану стало ключевым направлением внешней политики Церкви.

Начавшаяся холодная война привела к усилению влияния американского протестантизма на европейское экуменическое движение. Начавшейся «американизацией христианства» были недовольны многие члены Всемирного Совета Церквей, считая, что противостоять этому сможет только союз Русской Церкви с Православными Церквями Восточной Европы, который окончательно сложился уже к весне 1946 г. Американцам не удалось навязать экуменическому движению антисоветские и антикоммунистические взгляды (это произошло позже — в 1948 г.).

Вмешательство США во внутренние дела Греции и Турции в 1947 г. СССР расценил как претензию США на руководство в международных делах и желание американского правительства занять лидирующие позиции в средиземноморском регионе. Ответным шагом СССР явилась попытка укрепления своего политического влияния на Ближнем Востоке. По церковным каналам государственное воздействие на Иерусалимский, Александрийский и Антиохийский Патриархаты успешно осуществлялось с 1945 г. после Поместного Собора в Москве с участием в нем глав Восточных Церквей. Дальнейшему укреплению связей способствовали поездки на Ближний Восток Патриарха Алексия в 1945 г. и митрополита Григория (Чукова) в 1946 г. Эти поездки, санкционированные государством, были очень полезными для укрепления авторитета Московской Патриархии.

После признания Советским Союзом Израиля, созданного на части территории Палестины, советская власть вернула Московской Патриархии Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме, бывшую до этого времени в ведении Русской Зарубежной Церкви. Как и до 1917 г., Русская Православная Церковь получила возможность осуществлять свое духовное

влияние на Ближнем Востоке и способствовать росту авторитета СССР.

Главный вывод из вышесказанного состоит в том, что принятие «нового» курса (1943–1953 гг.) государственно-церковных отношений было, в первую очередь, связано с внешнеполитическими планами советского государства и с привлечением Русской Православной Церкви к их осуществлению. Внутренние причины также имели место: это и участие Церкви в деле снабжения страны продовольствием в условиях восстановительного периода (1945–1957 гг.), и контроль со стороны государства за возрожденной религиозной жизнью на временно оккупированных территориях.

Другой очень важный вывод заключается в том, что Русская Православная Церковь оказала в этот период государству значительную помощь, поддерживая и укрепляя его международный авторитет, способствуя проведению его внешней политики в период, когда США имело монополию на ядерное оружие.

Следует отметить еще одну важную особенность этого периода. Власть и лично И.В. Сталин пошли на нарушение действующего законодательства в стране, регулирующего государственно-церковные отношения. Постановления СНК СССР от 22 августа 1945 г. за №2137-546 и от 28 января 1946 г. за №232-101 предоставили церковным организациям ограниченное право юридического лица. Им было разрешено приобретение транспортных средств, покупка в собственность домов и строительство новых зданий.

1953–1958 гг. Четвертый период начинается с Постановления ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения», в подготовке которого активно участвовали Д.Т. Шепилов, А.Н. Шелепин и М.А. Суслов. В этом документе фактически пересматривалась и осуждалась как «примиренческая» прежняя политика в «церковном вопросе». Предлагалось вернуться к довоенным отношениям с Церковью и вновь начать «наступление на религиозные пережитки». Содержались призывы к активному разоблачению реакционной сущности религии. Перед принятием Постановления В.М. Молотов предупреждал Н.С. Хрущева о том, что оно «поссорит нас с духовенством и верующими, принесет массу ошибок». На это последовал ответ: «Будут ошибки — исправим».

Этот пример очень наглядно указывает на два подхода к проблемам Церкви в руководстве партии — антирелигиозный и государственный (который рассматривал Патриархию как своеобразную часть системы). И весь четвертый период между сторонниками этих подходов с переменным успехом шла борьба.

26 марта 1956 г. состоялась встреча архиереев с председателем Совета Министров Н.А. Булганиным, заверившим их, что наступления на религию не будет, а после XX съезда в стране появилась возможность развития демократических начал. С весны 1956 г. ускорился процесс освобождения духовенства, свыше 290 бывших узников совести вновь стали служить в храмах. К 1957 году количество зарегистрированных храмов в СССР составило 13478 с численностью священнослужителей — 12288. Из 70-ти правящих архиереев половина прошла через тюрьмы, ссылки и лагеря.

Но это благополучие было относительно. В окружении Н.С. Хрущева были влиятельные силы, готовые начать наступление на Церковь. Положение осложнялось еще и тем, что ровную линию в отношениях с Церковью отстаивали ближайшие соратники И. Сталина. Придерживался ее и Г. Карпов. И первые победы Хрущева над сталинистами совпали с первыми зарницами будущей антирелигиозной грозы. Сторонники «жесткой» линии к 1958 году явно преобладали.

1958—1964 гг. Пятый период государственно-церковных отношений полон драматизма. Советское руководство спешило в кратчайшие сроки решить религиозную проблему в стране. Это было вызвано комплексом причин: и желанием построить в СССР коммунизм, и уверенностью, что коммунистическая идеология, освободившаяся от сталинского наследия, еще сможет проявить себя, что, в свою очередь, исключало возможность любой духовной альтернативы, особенно религиозной. Определенная часть советского общества была индифферентна к масштабным антирелигиозным кампаниям, а демократически настроенные «шестидесятники» считали, что в СССР может быть построено справедливое, социально ориентированное государство, где христианству не было места. Важную роль сыграли и кадровые перестановки. К группе идеологов — М.А. Суслову, Е.А. Фурцевой, Л.Ф. Ильичеву, и ранее выражавшим недовольство прежним курсом, прибавилась ретивая молодежь — А.Н. Шелепин, В.Е. Семи-

частный, А.И. Аджубей. Комсомольские вожаки стремились к решительной борьбе с Церковью, предлагая ликвидировать ровное отношение с ней как сталинское наследие. А сам «вольтарист-романтик» Хрущев считал, что в период перехода СССР к «предкоммунистическим отношениям» «распространение научных знаний, изучение законов природы не оставляет места для веры в бога».

Власть не могла не учитывать также и значительно выросшую религиозность вышедших на свободу узников ГУЛАГа. Изживание страха привело к активизации верующих. Так, в 1955 г. в Совет по делам Русской Православной Церкви поступило 1310 ходатайств и обратилось 1700 просителей об открытии храмов, а в 1956 году было на 955 ходатайств и 599 просителей больше.

Важнейшей причиной изменения курса стала и экономическая. Начало проведения реформы связано с постановлением ЦК КПСС от 13 января 1960 г. «О мерах по ликвидации нарушений духовенством Советского законодательства о культах».

Какие же статьи закона и когда нарушило советское духовенство?

Как известно, ленинский Декрет об отделении Церкви от государства от 23 января 1918 года и последующие инструкции Наркомюста по его проведению в жизнь предусматривали положение, по которому церковным имуществом могли распоряжаться религиозные общества.

«Положение об управлении Русской православной церковью», принятое Поместным Собором 31 января 1945 года, отстранило прихожан от управления имуществом и денежными средствами, вернув эту прерогативу, как это и было прежде, настоятелю. «Положение» получило силу документа, утвержденного правительством (Постановление Совнаркома было принято 28 января 1945 г.).

Январское постановление 1960 года отмечало еще одно «нарушение» законодательства о культах: «Следует также отметить, что постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года “О религиозных объединениях” предоставило религиозным обществам право распоряжаться всем церковным имуществом, ведать наймом служителей культа. Однако вопреки этому закону, во главе каждой приходской общины верующих был поставлен настоятель храма, назна-

чаемый специальным архиереем... Служители культа сосредоточили все руководство приходами в своих руках и используют это в интересах укрепления и распространения религии». Как нарушение законодательства отмечалось также единоличное формирование настоятелями храмов «двадцаток» и их исполнительных органов, развитие благотворительной деятельности, воспитание церковного актива в духе непослушания властям.

В постановлении ЦК КПСС от 13 января 1960 г. подчеркивался еще один момент, связанный с «узурпацией власти священнослужителями»: ослабление контроля за деятельностью духовенства и религиозных объединений.

А годом позже, 16 января 1961 г., Совет Министров СССР принял специальное постановление «Об усилении контроля за деятельностью церкви». Оно отменило все законодательные акты, принятые в годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие.

Эти два постановления стали «правовой» основой «церковной» реформы, включавшей в себя шесть основных положений:

«1) коренную перестройку церковного управления, отстранение духовенства от административных, финансово-хозяйственных дел в религиозных объединениях, что подорвало бы авторитет служителей культа в глазах верующих;

2) восстановление права управления религиозными объединениями органами, выбранными из числа самих верующих;

3) перекрытие всех каналов благотворительной деятельности церкви, которые ранее широко использовались для привлечения новых групп верующих;

4) ликвидация льгот для церковнослужителей в отношении подоходного налога, обложение их как некооперированных кустарей, прекращение государственного социального обслуживания гражданского персонала церкви, снятие профсоюзного обслуживания;

5) ограждение детей от влияния религии;

6) перевод служителей культа на твердые оклады, ограничение материальных стимулов духовенства, что снизило бы его активность».

Идеологи «церковной реформы» отчетливо представляли себе, что «перестройка церковного управления» может ока-

заться делом «сложным и деликатным». Решение было найдено быстро: «Для того, чтобы не вызвать каких-либо осложнений в отношениях между церковью и государством, многие мероприятия проводить церковными руками».

Так само отстранение священнослужителей от финансово-хозяйственной деятельности в приходе, ключевое направление «реформы», было проведено по «государственной рекомендации» решением Синода Русской Православной Церкви от 18 апреля 1961 г. с дальнейшим утверждением его Архиерейским Собором 18 июля 1961 г., постановление которого мог отменить только Поместный Собор.

Большинство присутствовавших на Соборе епископов, понимая всю тяжесть этого решения, до конца не осознавали масштабов начавшихся гонений. И слова святейшего Патриарха Алексия, произнесенные им на Соборе, на долгие годы стали путеводной нитью для служения русского священства в новых условиях существования Церкви в советском государстве: «Умный настоятель, благоговейный совершитель богослужений и, что весьма важно, человек безукоризненной жизни всегда сумеет сохранить свой авторитет в приходе. И будут прислушиваться к его мнению, а он будет спокоен, что заботы хозяйственные уже не лежат на нем и что он может всецело отдаться духовному руководству своих пасомых».

Эти слова-наставления давали силу противостоять лавине «церковной реформы», направленной, в первую очередь, на изменение всего строя церковной жизни и уничтожение порядка приходского управления. А само ее проведение планировалось на долгие годы.

Одним из первых мероприятий реформы стал единовременный учет всех религиозных объединений. При его проведении было «выявлено много бездействующих церквей, не используемых молитвенных зданий, затухающих приходов. Совет принял меры по ликвидации практики субсидий таким приходам со стороны более сильных религиозных объединений и Патриархии, что повлекло прекращение их деятельности. На местах разобрались с каждым религиозным обществом. В соответствии с законом, общественные здания, захваченные церковниками в период войны, были возвращены их прежним владельцам и превращены в учреждения культуры, школы. Многие слабые и распавшиеся религиозные объединения сняты с регистрации. Материальная база пра-

вославия заметно сузилась». (Такими словами в августе 1970 г. докладывал в ЦК КПСС заместитель председателя Совета по делам религий Ф. Фуров, рапортуя об итогах перестройки церковного управления.)

В цифровом измерении это выглядело так: в 1960 г. действовало 13008 православных храмов, к 1970 г. их осталось 7338. За десятилетие прекратили «свою деятельность 32 православных монастыря, в том числе Киево-Печерская Лавра. Ныне (1970 г. — О.В.) действует 16 монастырей, в которых проживает 1200 монахов, главным образом, престарелого возраста. Сократилась за последние годы и сеть духовных учебных заведений, прекратили свою деятельность пять православных семинарий; ныне функционируют две духовные академии и три семинарии. Неуклонно снижается количество учащихся в духовных школах: в 1960 г. их было 617 чел., а в 1969/70 учебном году — 447. В минувшем году из духовных школ было направлено на приходы 57 чел. Церковь испытывает ныне кризис с кадрами священнослужителей. В 1969 г. из их числа по разным причинам выбыло 214 чел., а посвящено в сан 175 священников».

Никогда еще до 1960 г. власть не вмешивалась так открыто во внутрицерковную жизнь, нарушая при этом весь строй ее существования. Давление было всегда — и в условиях террора 30-х, и при «новом курсе» 40-х — начала 50-х гг. Но такого тотального вмешательства история государственно-церковных отношений еще не знала: «Совет по делам религий получил возможность держать под строгим контролем деятельность Московской патриархии, ее отделов, управлений и должностных лиц, влиять на все принципиальные решения главы церкви и Синода, оказывать воздействие на подбор епархиальных архиереев и всех других руководящих деятелей церкви. В настоящее время сложилась довольно широкая, можно сказать, всеобъемлющая и эффективная система контроля за деятельностью патриархии».

Русская Православная Церковь встретила новые гонения, уже имея большой опыт существования в советском обществе.

«Церковная реформа» Хрущева — это лишь зримая сторона государственно-церковной политики. Была еще и другая — использование внешних церковных каналов для осуществления политических государственных планов. При

этом власти не только не считалась с внешними интересами Церкви, а цинично попирала их, нисколько не заботясь о последствиях, которые могли иметь и имеют длительный исторический резонанс. К таким «государственным» деяниям относятся многие события, связанные с подготовкой и проведением Второго Ватиканского Собора и участием в нем наблюдателей от Русской Православной Церкви.

1965–1991 гг. Если говорить о шестом периоде, то он неразрывно по внутреннему содержанию связан с пятым.

В августе 1970 г. в Отдел пропаганды ЦК КПСС из Совета по делам религий пришла справка, подписанная заместителем В. Куроедова В. Фуровым. Ее полное название «Об итогах перестройки церковного управления и работе по усилению контроля за деятельностью религиозных объединений». Начиналась она словами: «Перестройка церковного управления — целый комплекс мероприятий, проведенных в русской православной церкви и других конфессиях в 1961 г. и последующее время в интересах Советского государства...» Оценка самой реформы Советом была очень высока: «Она оказалась самым крупным, наиболее эффективным, полезным для государства мероприятием. Совершенно очевидно, что только на основе реформы удалось поставить церковь в рамки закона, взять ее в руки, организовать действенный контроль за деятельностью духовенства».

Весной 1985 года М.С. Горбачев встретился в Кремле с иерархами Русской Церкви. Этот правильный тактический ход стал одним из первых шагов на пути оживления духовной жизни общества. У Церкви появилась реальная возможность готовиться к юбилейной дате — 1000-летию Крещения Руси. Хотя еще в конце апреля 1988 г. власть не давала согласие на объявление юбилейных торжеств и открытие Поместного Собора, они все же состоялись. И с 1988 г. Церковь получила реальную возможность расширения своей деятельности в различных сферах: просветительской, издательской, миссионерской, благотворительной.

Новая общественно-политическая ситуация, сложившаяся в России в 90-х годах, привела к кардинальному изменению места и роли религии и религиозных объединений в жизни российского общества. Значительно выросли их общественный престиж и воздействие на различные стороны общественной жизни.

Законодательно были сняты действовавшие десятилетиями неоправданные ограничения. Постановлением Верховного Совета РСФСР от 25 октября 1990 г. были отменены положения декрета Совета Народных Комиссаров «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви». Были сняты также все ограничения на деятельность религиозных организаций по распространению своего вероучения и религиозному образованию и просвещению детей, молодежи и взрослых. За короткий срок в несколько раз увеличилось количество религиозных объединений различных конфессий, активизировалась их деятельность в обществе, выросло число их последователей.

В настоящее время Русская Православная Церковь насчитывает 131 епархию. Число архиереев на сегодняшний день — 155. Из них 128 епархиальных и 27 викарных; 12 архиереев находятся на покое.

Действуют 295 мужских и 319 женских монастырей, итого — 614 монастырей, не считая 160 монастырских подворий и 38 скитов.

На территории России существует 16195 приходов, на которых служат 14000 священников и 3480 диаконов; всего — 17480 священнослужителей (с учетом Украины количество приходов значительно увеличивается).

Русская Церковь имеет 5 Духовных академий, 32 Духовные семинарии, 43 духовных училища, 1 Богословский институт, 2 Православных университета, 6 Подготовительных пастырских курсов, 2 Епархиальных женских духовных училища. Действуют также регентские и иконописные школы.

Авторитет Русской Православной Церкви в социальных и моральных вопросах признают в России 65% респондентов, согласно ежегодным опросам, включая и известную часть неверующих.

Начиная с 2000 г. Русская Православная Церковь, а следом за ней и мусульмане, и иудеи, и протестанты России выработали свои основы социальной концепции, в которых определили области взаимодействия с государством. Приведу их, опираясь на «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви»:

- миротворчество на международном, межэтническом и гражданском уровнях;
- забота о сохранении нравственности в обществе;

- духовное, культурное, нравственное и патриотическое образование и воспитание;
- дела милосердия и благотворительности, развитие совместных социальных программ;
- охрана, восстановление и развитие исторического и культурного наследия;
- диалог с органами государственной власти любых ветвей и уровней по вопросам, значимым для Церкви и общества, в том числе в связи с выработкой соответствующих законов, подзаконных актов, распоряжений и решений;
- труды по профилактике правонарушений, попечение о лицах, находящихся в местах лишения свободы;
- наука, включая гуманитарные исследования;
- здравоохранение, охрана окружающей среды;
- экономическая деятельность на пользу Церкви, государства и общества;
- противодействие деятельности псевдорелигиозных структур, представляющих опасность для личности и общества.

Как видно, у государства и религиозных объединений очень много точек соприкосновения. Но не все проблемы решаются гладко. Есть такие, которые требуют внимательного и вдумчивого подхода со стороны светской власти.

Как известно, приняты Земельный кодекс и Закон об обороте земель сельскохозяйственного назначения. К сожалению, в них не учтены в должной мере права религиозных организаций на землевладение, в частности, это относится к Русской Православной Церкви с ее историческими традициями пользования землей, успешного возделывания земельных участков, использования продукции сельского хозяйства в благотворительных целях. Законами установлено, что впредь земельные участки будут предоставляться в аренду, то есть в платное пользование, или выкупаться (в собственность).

Надо исходить из того, что земельные участки, прилегающие к зданиям храмов, а также участки, на которых расположены монастырские комплексы, полученные в пользование до введения Земельного кодекса в действие, не переоформляются на право аренды, но могут быть получены в собственность безвозмездно, то есть без выкупа, но при условии, что церковное здание оформлено в собственность прихода или монастыря.

По Земельному кодексу не подлежат возврату земельные участки, национализированные до 1 января 1991 года. Религиозные организации России полагают, что обращения об их передаче по установленным правилам вполне правомерны.

Остается нерешенной проблема передачи объектов культурного наследия религиозного назначения в собственность религиозным организациям.

Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры)» от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ предусматривает такую возможность. На деле идет многолетняя дискуссия между религиозными организациями и властью.

Образцом имущественных отношений может быть рассмотрен грузинский вариант (Конкордат между Государством Грузия и автокефальной Православной Апостольской Церковью Грузии был принят в 2002 г.). Согласно этому документу, имуществом Церкви признаются находящиеся на территории Грузии православные храмы и монастыри (действующие и недействующие), земельные участки, на которых они расположены. Собственность Церкви защищена законом, она не подлежит отчуждению. Государство обязуется частично возместить Церкви ущерб, нанесенный ей в XIX-XX веках, особенно в 1920-1990-е годы. Церковные ценности, хранящиеся в музеях и хранилищах, признаются собственностью Церкви. Как часть общенационального достояния они (кроме святых мощей) находятся в совместном владении государства и Церкви. Их вывоз в религиозных и культурных целях возможен только на основании совместного соглашения.

Вышеизложенные проблемы, безусловно, будут решаться. Но на это нужно время.